

Гордость нации

Городовой Сапогов

Ялтинский городской Сапогов получил от начальства почетное, полное доверия к уму и такту Сапогова поручение: обойти свой участок и проверить всех евреев -- занимается ли каждый еврей тем ремеслом, которое им самим указано и которое давало такому еврею драгоценное, хрупкое право жить среди чудесной ялтинской природы...

Проверять хитрых семитов Сапогову было приказано таким образом: пусть каждый семит сделает тут же, при Сапогове, на его глазах, какую-либо вещь по своей ремесленной специальности и тем докажет, что бдительное начальство не введено им в заблуждение и недостойный обман.

-- Ты только держи ухо востро, -- предупредил Сапогова околотовный. -- А то -- так тебя вокруг пальца и обкрутят!

-- Жиды-то? Меня-то? Да господи ж.

И пошел Сапогов.

-- Здравствуйте! -- сказал Сапогов, входя к молодому Абраму Голдину. -- Ты это самое, как говорится: ремесло свое... Сполняешь?

-- А почему мне его не исполнять? -- удивился Абрам Голдин. -- Немножко кушаю себе хлеб с маслом. Знаете -- фотография, конечно, такое дело: если его исполнять, то и можно кушать хлеб с маслом. Хе-хе! На здоровьишко...

-- Та-ак, -- нерешительно сказал Сапогов, переминаясь с ноги на ногу. -- А ты вот что, брат... Ты докажи! Проверка вам от начальства вышла...

-- Сделайте такое одолжение, -- засуетился Абрам Голдин, -- мы сейчас из вас сделаем такую фотографию, что вы сами в себя влюбитесь! Попрошу вас сесть... Вот так. Голову чуть-чуть набок, глаза сделайте, попрошу немножко интеллигентнее... рот можно закрыть! Закройте рот! Не делайте так, будто у вас зубы болят. Нос, если вам безразлично, можно пока рукой не трогать. Потом, когда я кончу, можно его трогать, а пока держите руки на грудях. Прошу теперь не шевелиться: теперь у вас за-ме-ча-тель-но культурный вид! Снимаю!! Готово. Спасибо! Теперь можете делать со своим носом что вам угодно.

Сапогов встал, с наслаждением расправил могучие члены и с интересом потянулся к аппарату.

-- А ну -- вынимай!

-- Что... вынимать?..

-- Что там у тебя вышло? Покажь!..

-- Видите ли... Сейчас же нельзя! Сейчас еще ничего нет. Мне еще нужно пойти в темную комнату проявить негатив.

Сапогов погрозил Голдину пальцем и усмехнулся.

-- Хе-хе! Старая штука!.. Нет, брат, ты мне покажи сейчас... А этак всякий может.

-- Что это вы говорите? -- встревоженно закричал фотограф. -- Как же я вам покажу, когда оно не проявлено! Нужно в темную комнату, которая с красным светом, нужно...

-- Да, да... -- кивал головой Сапогов, иронически поглядывая на Голдина. -- Красный свет, конечно... темная комната... Ну, до чего же вы хитрые, жидова! Учитесь вы этому где, что ли... Или так, - сами по себе? Дай мне, говорит, темную комнату... Ха-ха! Не-ет... Вынимай сейчас!

-- Ну, я выну -- так пластинка будет совершенно белая!.. И она сейчас же на свету пропадет!..

Сапогов пришел в восторг.

-- И откуда у вас что берется?! И чтой-то за ловкий народ! Темная, говорит, комната... Да-а. Ха-ха! Мало чего ты там сделаешь, в этой комнате... Знаем-с. Вынимай!

-- Хорошо, -- вздохнул Голдин и вынул из аппарата белую пластинку. -- Смотрите! Вот она.

Сапогов взял пластинку, посмотрел на нее -- и в его груди зажглась страшная, тяжелая, горькая обида.

-- Та-ак... Это значит, я такой и есть? Хороший ты фотограф. Понимаем-с!

-- Что вы понимаете?! -- испугался Голдин. Городовой сумрачно посмотрел на Голдина...

-- А то. Лукавый ты есть человек. Завтра на выезд получишь. В 24 часа.

Сапогов стоял в литографической мастерской Давида Шепелевича, и глаза его подозрительно бежали по странным доскам и камням, в беспорядке наваленным во всех углах.

А